

«Маски» и «роли» фрейм-структур сознания (к вопросу о клише и штампах сознания, эталоне и каноне)

© кандидат филологических наук В.В. Красных, 1999

Фрейм-структура сознания (ФСС) определяется нами как когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой “пучок” предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций. ФСС — единица, составная, но цельная, так сказать, “молекулярная”, она является знаком, “именем” (не в прямом смысле зачастую) “предмета” или ситуации. Образно говоря, ФСС представляет собой многогранник, который может быть более простым или более сложным. Соответственно, клише/штамп сознания будет представлять собой лишь одну из граней более сложной фигуры. Отличие фрейм-структуры от “нефреймовых” валентных связей состоит, на наш взгляд, в определенной предсказуемости векторов ассоциаций и, возможно, закрытости списка “предсказуемых” ассоциативных связей. При “задействовании” одного из элементов ФСС активизируются все ее элементы, но для актуализации выбирается какой-либо один элемент.

ФСС представляют собой форму хранения прецедентных феноменов (ПФ) и стереотипов. Иными словами, ПФ и стереотип — это всегда фрейм-структура. При этом ФСС, связанная, к примеру, с тем или иным ПФ, может быть значительно шире, чем сам этот феномен: так, например, Мюнхгаузен как прецедентное имя имеет инвариант восприятия: “рассказывающий о себе небылицы человек; человек, деяния которого невозможны по определению (например, вывернуть наизнанку волка или выгнать за волосы из болота себя вместе с конем); при этом человек уверяет всех в своей правдивости”, — и если кого-либо назовут Мюнхгаузен, то апелляция к указанному инварианту будет вполне прозрачна и очевидна. За данным прецедентным именем (ПИ) стоит блок предсказуемых векторов ассоциаций, что позволяет говорить о том, что мы имеем дело с ФСС. Вместе с тем, ПИ Мюнхгаузен может открывать ряд прецедентных феноменов, связанных именно с его “подвигами”, а именно: ряд прецедентных ситуаций (ПС). Далее, через ПИ говорящий может апеллировать и к самому прецедентному тексту (инварианту его восприятия — ПТ/ИВПТ). За каждым таким прецедентным феноменом: ПС, ПТ/ИВПТ — также стоит ФСС. Очевидно, что данные “конкретные” фрейм-структуры, “соотносимые” с каждым конкретным прецедентным феноменом (самим именем, отдельной ситуацией или текстом), формируют структуру более сложной конфигурации, которая также будет являться фрейм-структурой, но более “высокого” порядка. Таким образом, ФСС как таковая (как феномен) может быть шире, чем

отдельный прецедентный феномен или стереотип, поскольку может включать в себя несколько более “простых” ФСС, каждая из которых стоит за отдельным конкретным ПФ или стереотипом.

Итак, на уровне единых “цельных” феноменов, за которыми стоят ФСС, выделяются ПФ и стереотипы-представления. На уровне структурной организации феноменов и фрейм-структур выделяются клише и штампы сознания, представляющие собой кристаллизацию предсказуемых ассоциативных связей. В основе их разграничения лежит наличие/отсутствие семантической нагрузки.

Кристаллизация предсказуемых векторов ассоциаций представлена клише/штампом сознания. Как особый тип ассоциации выделяется ассоциация-штамп, за которой не стоит ФСС, например: *масло* → *масляное* → *тавтология* (по данным АТРЯ¹).

Иначе говоря, не за всяким штампом стоит ФСС. Но если есть ФСС, то, несомненно, можно говорить и о наличии клише/штампов. В ФСС клише наличествуют всегда, но они могут вести себя и как штампы сознания, из чего можно сделать вывод, что клише представляет собой сильный, маркированный член привативной оппозиции клише vs штамп сознания.

Ассоциация-штамп и штамп сознания могут “сближаться”, если при непосредственном речепорождении предсказуемая ассоциация “останавливается” на поверхностном вербальном уровне, на уровне словесной формы и не идет “вглубь”, не задействует “содержание” ФСС. Штамп и клише сознания связаны более “глубинными” отношениями: хотя вполне можно определить круг феноменов, “тяготеющих” к штампу (напр., “*Нет повести печальнее на свете*”, “*Все смешалось в доме Облонских*” и т.д.), статус единицы (штамп или клише) может быть определен только в функционировании, в зависимости от ситуации непосредственного использования в речи.

Таким образом, мы подошли к необходимости рассмотреть функциональный аспект прецедентных феноменов, стереотипов и стоящих за ними ФСС. Функционирование может анализироваться с двух позиций: 1) что и как происходит и 2) в какой роли выступает тот или иной феномен. Начнем с первого вопроса: как проявляются ФСС в дискурсе. Фрейм-структуры сознания активизируются через апелляции к феномену (ПФ или стереотипу), манифестируют себя в предсказуемых ассоциациях, т.е. реализуются через клише/штампы сознания. Клише/штамп сознания вызывается к жизни, актуализируется и активизируется семантико-когнитивной ассоциацией (клише) или фонетико-звуковой (штамп).

¹ Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. М., 1994. Книга 1, с. 78.

Клише в первую очередь кристаллизуют связи, относящиеся к прецедентному имени (ПИ), прецедентной ситуации (ПС), прецедентному тексту (ПТ) и стереотипам-образам. Штампы связаны в первую очередь с прецедентными высказываниями с дефектными парадигмами (отсутствует глубинный смысл — связь с ПФ) и со стереотипами-ситуациями (и — особенно — с речевыми стереотипами поведения). Штампы сознания всегда имеют вербальную, поверхностную “оборочку”. Клише сознания вербальны и, так сказать, “когнитивны”, принадлежат более “глубокому” уровню. Штампы тяготеют к некоторой “фиксации”, но позволяют игру с поверхностным значением (ПВ), с прямым значением слов, входящих в высказывание: *Быть или не быть — Пить или не пить — Жить или не жить; Тяжела ты, шуба из енота* (примеры из современной печати). Клише сознания более “свободны” в выборе формы, но игры с выбранной формой минимальны; игра идет со смыслом, с тем, что стоит за словом, что лежит между строк. Это объясняется тем, что имеет место апелляция к ФСС, представляющей собой “клубок” ассоциаций от одной “точки” к другой: *Иуда — 30 серебряников — иудово дерево*; данная ФСС, вернее — феномены, ее формирующие, относятся, очевидно, к числу универсально-прецедентных; приведем в качестве примера отрывок из романа “The Night Manager”, John le Carre (NY, Ballantine Books, 1993, p.423.):

Burr’s voice became a mile regretful. “Ratting days are over, Harry. The ship’s sunk. Just one mare rat, and that’s your lot. [...] You know what this is, Harry?” He lifted the thick end of the tie. “It’s Dr. Paul Apostoll’s tongue, pulled through his throat, Colombian style, thanks to Harry Palfrey’s ratting. You *sold* Apostoll to Darker. Remember? Ergo, you *sold* my agent Jonathan Pine to Darker also. [...] You *sold* Geoffrey Darker to Goodhew — except you didn’t *really*, did you? You *pretended* to, then you doubled on yourself and *sold* Goodhew to Darker instead. What are getting out of it, Harry? *Survival*? I wouldn’t bet on it. In my book you’re due about one hundred and twenty pieces of silver out of the reptile fund, and after that it’s the *Judas tree*. Because, knowing what I know and you don’t, but what you are about to know, you are finally, terminally *ratted out*”.

Второй вопрос, связанный с функционированием ФСС, — вопрос о роли, которую играет тот или иной ПФ или стереотип. Более конкретно: выступает феномен в роли эталона или канона.

С нашей точки зрения, *канон* — это норма, в соответствии с которой осуществляется деятельность, *эталон* — это “мера”, “мерило”, в соответствии с которой/с которым оцениваются те или иные феномены. Следовательно, *канон* позволяет действовать “самостоятельно”, хотя и в заданных границах; в рамках канона возможно “тиражирование”; по канону “строят”, создают. *Эталон* же можно только “копировать”, ему можно только подражать, поскольку сам эталон уникален. *Канон* допускает некоторые трансформации (хотя и в определенных пределах), т.е. возможны игры с формой, *эталон* же строго фиксирован, “работает” на

содержание. *Канон* — это активно-деятельное начало, *эталон* — объективно-отстраненное. В сжатом виде это можно представить в следующем виде:

канон — 1) норма; 2) допускает существование “однотипных” феноменов; 3) возможно тиражирование; 4) возможно творчество, допускает некоторую самостоятельность; 5) допускает трансформации; следовательно — форма;

эталон — 1) мера, мерило; 2) единичный феномен, всегда “единственный”; 3) уникальный феномен; 4) возможно подражание, допускает “копирование”; 5) строго фиксирован; следовательно — содержание.

Итак, ПТ, ПС и ПИ полностью удовлетворяют нашим представлениям об эталоне: они единичны, уникальны, строго фиксированы, их невозможно тиражировать, их можно только “копировать” (подобно репродукциям в альбомах). Моцарт или Пушкин *уникальны*, им можно только *подражать*: вести себя или выглядеть как Моцарт или Пушкин, — но *быть* Моцартом или Пушкиным нельзя. Так, NN может легко писать и гениально творить, но тогда его будут *сравнивать* с Пушкиным или Моцартом (они выступают как “*мерило*”, “точка отсчета”, как *эталон* гениального творца²), NN может стараться писать как Моцарт или Пушкин, но тогда он будет либо опять-таки *подражать* им, их манере, их стилю, *сравнивая* себя с ними и *копируя* их, либо соблюдать “заданные” ими правила, работать в тех же жанрах, т.е. NN будет *творить* в определенных рамках выбранных *канонов*. С прецедентной ситуацией и прецедентным текстом картина будет абсолютно аналогичной: повторить (“растираживать”) их нельзя, их можно только “воссоздать”, сделав “копию”; они уникальны и единичны.

Эталон может некоторым образом “задавать” канон, а канон, соответственно, “восходить” к эталону, но отношения эти не столь прямолинейны и однозначны, как это может показаться на первый взгляд (это подобно “отношениям” корня и листы, которые, хоть и связаны определенными “отношениями”, представляют собой явления разные).

Итак, как показывают наблюдения, ПИ, ПС, ПТ/ИВПТ выступают как эталоны, ПВ могут функционировать и как эталоны, и как каноны (см. работы И.В. Захаренко), стереотипы-представления могут выступать как эталоны (стереотипы-образы) и как каноны (стереотипы-ситуации). Таким образом, можно сделать вывод, что в соотношении ФСС и эталона/канона можно установить некоторые закономерности.

Что касается соотношения эталон/канон vs клише/штамп то выявить столь же четкие закономерности весьма затруднительно. Это объ-

² Ср.: “Феномен свободы Пушкина в нем самом, и заметьте, что он не повторился, т.е. свобода [по Декарту] Пушкина — это не то, что мог бы передать, скажем, своим ученикам. Не случайно у него не было школы” [М.К. Мамардашвили. Картезианские размышления. М., 1993: 20].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 8. – 120 с. ISBN 5-89209-389-1

ясняется, очевидно, тем, что эталон и канон — это роли, которые феномены (ФСС) играют в дискурсе, маски, которые они на себя надевают; клише и штампы суть элементы структуры, хранящиеся в сознании, являющиеся гранями ФСС, через них активизируются ассоциативные связи и происходит апелляция к самому феномену (ФСС).